

В. Ю. Голубев

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Аннотация. Проблема терроризма находится в центре политических дебатов в современном российском обществе. Это часто используется политическими деятелями, включая президента В.В.Путина, как средство продвижения и реализации их политической программы. В статье анализируется речь президента России 4 сентября 2004 г., сразу после террористического акта в Беслане. Показывается, что речь строится таким образом, чтобы достичь двух целей. Во-первых, президент стремится использовать эту возможность косвенно, чтобы оправдать свои действия в связи с Бесланом и особенно в связи с Чечней. Через противопоставление российского государства и российского народа, с одной стороны, и террористов — с другой, и создание их ярких риторических портретов оратор стремится оправдывать свою жесткую политику на Северном Кавказе. Во-вторых, президент использует этот случай, чтобы протолкнуть реформы в сфере госуправления, которые он планировал объявить, включая введение пропорционального представительства в Государственной Думе и укрепление централизованной системы управления государством, ссылаясь на необходимость повышения безопасности.

Для обоснования этих выводов в статье используется логико-прагма-стилистический анализ речи.

Ключевые слова. Аргументация, риторика, аргументативный дискурс, аргументативные ошибки, политическая коммуникация.

В настоящей статье содержится анализ использования проблемы терроризма в российском политическом дискурсе. Материалом анализа послужило выступление президента России Владимира Владимировича Путина, прозвучавшее в телевизионном эфире 4 сентября 2004 г. сразу после бесланской трагедии.

В этой статье мы не стремимся предложить исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с дискуссией по проблеме терроризма в современном политическом дискурсе России. Мы ставим задачу продемонстрировать на основе лишь одного выступления Путина, как проблема терроризма используется президентом России для достижения риторичес-

* Исследование осуществлено при поддержке исследовательского гранта Эдинбургского университета.

© В. Ю. Голубев, 2006

кой цели убеждения общества в необходимости предлагаемых им реформ. В связи с этим проблема терроризма будет нами исследована в более широком контексте — контексте дискуссии о демократии и государственном управлении, ведущейся в российском обществе.

Создавая аргументативное сообщение, его автор ставит перед собой цель убедить получателя сообщения в правильности выражаемой в нем точки зрения. Для достижения данной цели аргументатор производит анализ аудитории, предмета обсуждения и коммуникативной ситуации. При анализе аудитории учитывается ее возрастной и половой состав, профессиональная подготовка, осведомленность о предмете обсуждения, рациональность или эмоциональность составляющих аудиторию людей, уровень их вовлеченности в обсуждаемые проблемы. При анализе коммуникативной ситуации принимается во внимание канал передачи информации (электронные или печатные средства массовой информации, устное выступление или письменное), характер дискуссии (прямой диалог с оппонентом, который находится в непосредственном контакте с аргументатором, или опосредованный диалог, при котором автор сообщения полемизирует с оппонентом, непосредственно не являющимся частью коммуникативной ситуации). Другим важным фактором коммуникативной ситуации выступают различные процедуры и правила ведения дискуссии (например, парламентские процедуры). Наконец, следует учитывать широкий контекст коммуникации, в который входят такие факторы, как открытость или закрытость политического режима в стране, моральные дилеммы, стоящие перед коммуникантами, культурные табу и традиции ведения публичных дискуссий.

В процессе адаптации сообщения к аудитории и коммуникативной ситуации рождается коммуникативная стратегия убеждения. Ключевым элементом коммуникативной стратегии убеждения — выбор целей воздействия. В коммуникации существует целый ряд целей воздействия, однако основные три: интеллект или разум адресата, его эмоции или чувства, а также его эстетическое чувство. Рациональное воздействие, или обращение к разуму слушателя или читателя, основано на логической силе доводов. Эмоциональное воздействие, или обращение к чувствам адресата основано на стремлении вызвать у него чувства страха, жалости, негодования, сострадания и т. п.¹ Эстетическое воздействие или обращение к эстетическому чувству адресата, основано на стремлении привлечь внимание слушателя к плану выражения аргументативного сообщения. При этом используются различные стилистические приемы, приемы создания юмористического эффекта и т. п.

Воздействие на разум эффективно, поскольку оно направлено напрямую на источник формирования мнений и убеждений. Эмоциональное воздействие эффективно, поскольку в нем эксплуатируются глубоко заложенные в человеке желания, мечты, предрассудки и т. д. Эстетическое воздействие эффективно, поскольку с помощью него автор может расположить адресата к себе как к мастеру слога, создателю изящного, оригинального произведения ораторского искусства. Соответственно повышается вероятность того, что и аргументы автора приобретут большую убедительность в глазах аудитории².

При рассмотрении речи нами будет применяться комплексный логико-прагма-стилистический анализ, направленный на выявление средств, используемых говорящим при оказании того или иного типа воздействия. При этом, как мы увидим ниже, если за

¹ Rybacki K., Rybacki D. *Advocacy and Opposition. An Introduction to Argumentation*. New Jersey, 1991.

² Golubev V. *Looking at Argumentation through Communicative Intentions: Ways to Define Fallacies* // *Proceedings of the 4th International Conference of the Society for the Study of Argumentation*. Amsterdam, 1999.

рациональное и эстетическое воздействие отвечают по одному элементу анализа, логический и стилистический соответственно, то в создании эмоционального призыва участвуют элементы двух категорий: и прагматические, и стилистические средства.

Текст приводится в том виде, в котором он был напечатан на официальном сайте президента Российской Федерации. Нами добавлена лишь разбивка на части и нумерация абзацев, что сделано для целей анализа.

4 сентября 2004 года,

Москва, Кремль

Обращение Президента России Владимира Путина

[Часть 1]

[1] Говорить трудно. И горько.

[2] На нашей земле произошла страшная трагедия. Все последние дни каждый из нас глубоко страдал и пропустил через свое сердце все, что происходило в российском городе Беслане. Где мы столкнулись не просто с убийцами, а с теми, кто использовал оружие против беззащитных детей.

[3] И сейчас я прежде всего обращаюсь со словами поддержки и сопереживания к людям, потерявшим самое дорогое в жизни — своих детей, своих родных и близких.

[4] Прошу вспомнить всех, кто погиб от руки террористов в последние дни.

[Часть 2]

[5] В истории России было немало трагических страниц и тяжелых испытаний. Сегодня мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства. Государства, которое оказалось, к сожалению, нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира.

[6] Но, несмотря на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта — Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией.

[7] Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему.

[8] Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно не подготовленными. Почему?

[9] Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической систем

[10] Мы живем в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестко подавлялись господствующей идеологией.

[11] Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы.

[12] Кроме того, наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока.

[13] На создание новых, современных и реально защищенных границ уйдут многие годы и потребуются миллиарды рублей. Но и здесь мы могли бы быть более эффективными, если бы действовали своевременно и профессионально.

[14] В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом.

- [15] Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость.
- [16] А слабых — бьют.
- [17] Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить.
- [18] И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей.
- [19] Мы, как я уже многократно говорил, не раз сталкивались с кризисами, мятежами и террористическими актами. Но то, что произошло сейчас, — бесчеловечное, беспрецедентное по своей жестокости преступление террористов. Это не вызов Президенту, парламенту или Правительству. Это вызов всей России. Всему нашему народу.
- [20] Это — нападение на нашу страну.

[Часть 3]

- [21] Террористы считают, что они сильнее нас. Что они смогут запугать нас своей жестокостью, смогут парализовать нашу волю и разложить наше общество. И, казалось бы, у нас есть выбор — дать им отпор или согласиться с их притязаниями. Сдаваясь, позволить разрушить и «фрасташить» Россию в надежде на то, что они в конце концов оставят нас в покое.
- [22] Как Президент, глава Российского государства, как человек, который дал клятву защищать страну, ее территориальную целостность, и просто — как гражданин России, я убежден, что в действительности никакого выбора у нас просто нет. Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаться панике, как мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов по примеру Карабаха, Приднестровья и других хорошо известных нам трагедий. Нельзя не видеть очевидного.
- [23] Мы имеем дело не просто с отдельными акциями устрашения, не с обособленными вылазками террористов. Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России.
- [24] С тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников.
- [25] Весь мировой опыт показывает, что такие войны, к сожалению, быстро не заканчиваются. В этих условиях мы просто не можем, не должны жить так беспечно, как раньше.
- [26] Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз.
- [27] Но самое главное — это мобилизация нации перед общей опасностью. События в других странах показывают: наиболее эффективный отпор террористы получают именно там, где сталкиваются не только с мощью государства, но и с организованным, сплоченным гражданским обществом.

[Часть 4]

- [28] Уважаемые соотечественники!
- [29] Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью стравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу на Северном Кавказе.

[30] Хотел бы в этой связи сказать о следующем.

[31] Первое.

[32] В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны.

[33] Второе.

[34] Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе.

[35] Третье. Необходимо создать эффективную антикризисную систему управления — включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов.

[36] Особо отмечу: все эти меры будут проводиться в полном соответствии с Конституцией страны.

[Часть 5]

[37] Дорогие друзья!

[38] Мы вместе переживаем очень тяжелые, скорбные часы. И я хотел бы сейчас поблагодарить всех, кто проявил выдержку и гражданскую ответственность.

[39] Мы были и всегда будем сильнее их — и своей моралью, и мужеством, и нашей человеческой солидарностью. Я вновь увидел это сегодня ночью.

[40] В Беслане — буквально пропитанном горем и болью — люди еще больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других.

[41] Даже в самых нечеловеческих условиях они оставались людьми.

[42] Невозможно примириться с болью потерь. Но испытания еще больше сблизили нас, заставили многое переоценить.

[43] Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага.

Данное выступление прозвучало по российскому телевидению на следующий день после того, как был проведен штурм школы в Беслане, которую в течение трех дней удерживали террористы. В заложниках находилось более 1200 детей и взрослых, из которых погибло 340 человек, из них 176 детей. Более 500 человек получили ранения. Ответственность за преступление взял на себя известный чеченский террорист Шамиль Басаев. Россия пребывала в глубочайшем шоке от случившегося.

Очевидно, что подобное эмоционально насыщенное событие требовало от президента эмоционально заряженного обращения. Поэтому неудивительно, что говорящий сделал особый акцент на эмоциональном воздействии на своих слушателей. Для того, чтобы понять какими средствами говорящий добивается этого, следует провести прежде всего стилистический анализ сообщения.

Цель сообщения состоит в том, чтобы утешить пострадавших, поднять дух народа, объединить страну перед лицом общего врага и вселить в людей уверенность в своей безопасности. В первой части и далее мы видим слова сочувствия и утешения. Однако зададимся вопросом, кого конкретно должны утешить слова президента, в кого вселить чувство безопасности? К кому обращается президент? На эти вопросы не так просто ответить, как кажется на первый взгляд. Президент России обращается не только, а скорее не столько к жителям Беслана, непосредственно пострадавшим от террористов, хотя они и

фигурируют в тексте в (40), а ко всему народу России. Аккуратно подбирая слова, президент Беслан называет российским, а не северо-осетинским городом (2), поскольку обратное отграничило бы Беслан от России. Путин обращается к своим слушателям как к *согражданам* (28), *гражданам России* (29), *друзьям* (37), но ни разу как к осетинам.

Это делается для достижения двух целей. С одной стороны, эти эпитеты призваны показать, что россияне — единая нация (вселение в людей уверенности в завтрашнем дне). С другой — с помощью обращения *сограждане и друзья* говорящий определяет себя как такой же гражданин России, который так же, как и они, переживает все происходящее (выражение сочувствия). Для создания подобного эффекта используются различные стилистические приемы.

Во-первых, это повторение ключевых слов и фраз: существительное *Россия* и прилагательное *российский(ая)* употреблены в тексте 9 раз, а личное местоимение *мы* и притяжательное местоимение *наши* (*а*) в различных падежах встречаются рекордное количество раз — 33. Фразы *мы вместе* (38), *мы должны быть вместе* (43) также являются примерами использования стилистического приема повторения.

Особый интерес в данном случае представляет повторение слова *народ*, которое встречается в тексте как в единственном, так и во множественном числе. В единственном числе слово *народ* относится ко всей российской нации: [*Это вызов*] *всему нашему народу* (19). Во множественном же числе то же слово относится к различным этническим группам, населяющим Россию: *Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью стравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу на Северном Кавказе* (29). В этом высказывании Путин вновь подчеркивает, что различные этнические группы, населяющие Северный Кавказ, составляют единый народ, все являются гражданами России. Путин постоянно подчеркивает величие России, называя ее *ядром великого огромного государства, Советского Союза* (5, 6), *страны с самой мощной системой защиты внешних рубежей* (12) и *одной из крупнейших ядерных держав мира* (17).

Во-вторых, это параллелизм синтаксических конструкций. Говоря о единстве страны в первой и второй части, президент Путин подготавливает слушателей к своей основной мысли: *на Россию совершено нападение* (20). Далее он еще более усиливает свое утверждение, произнося следующие фразы: *Мы имеем дело не просто с отдельными акциями устрашения, не с обособленными вылазками террористов. Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России* (23); *с тотальной, жестокой и полномасштабной войной* (24). В последнем абзаце оратор использует стилистический прием параллелизма синтаксической конструкции *мы имеем дело с*, усиленной эмфазой *не просто, но*. Это не первое использование данной усилительной конструкции. Она также встречается в (2): *...мы столкнулись не просто с убийцами, а с теми, кто использовал оружие против беззащитных детей*.

Речь Путина носит ярко риторический характер. Она содержит риторическое противопоставление: Россия противопоставлена ее врагам. Внутри России не существует никакого разделения: государство и народ едины и составляют одну страну. Интересны риторические образы противостоящих сторон. В образ россиян входят такие положительные черты, как гражданская ответственность, мораль, мужество, человеческая солидарность, способность остаться людьми в нечеловеческих условиях, способность заботиться друг о друге, сила (38–41). Россиянам противопоставят *не просто убийцы, а убий-*

цы беззащитных детей (3), террористы (4, 19, 21, 23, 27), международные террористы (23), бандиты (29), наконец, просто враг (43). Именно этим словом оратор заканчивает свою речь, что говорит о важности, которую он придает данному образу.

Описывая врагов России, президент Путин избегает малейшего упоминания о каких-либо требованиях, которые выдвигались террористами, таких, например, как вывод войск из Чечни. Интересен тот факт, что в данном выступлении слово Чечня не прозвучало ни разу. Таким образом, оратор стремился разорвать всякую связь между событиями в Беслане и непрекращающимся конфликтом в соседней республике. Цель говорящего состоит в том, чтобы создать впечатление, что Северный Кавказ — в целом мирный регион, а в замысел бандитов входит разжигание междоусобной вражды между разными народами, проживающими там (29), вражды, ведущей к кровавым конфликтам по примеру Карабаха, Приднестровья и других хорошо известных нам трагедий (22). Тем самым аргументатор стремится вызвать у аудитории гнев на заказчиков и исполнителей террористического акта и повысить таким образом эмоциональное воздействие на слушателей. Как мы увидим ниже при анализе рационального воздействия речи, данная стратегия дает возможность президенту Путину сместить акценты и косвенно оправдать собственные действия в Чечне и Беслане.

Главный акцент в своей коммуникативной стратегии убеждения Путин делает на международном характере терроризма, что отражается в употреблении в тексте популярного термина *новые угрозы* (26), упоминании других стран (27), а также в упоминании неких третьих лиц, *пославших бандитов на это ужасное преступление* (29). Еще более открытый намек на международный заговор содержится в (17): *Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить.*

Различные стилистические средства повышают не только уровень эмоционального воздействия речи, но затрагивают и эстетические чувства слушателей. Параллелизм синтаксической структуры и повторение фразы *мы живем в условиях* (9, 10) придает изложению стройность и четкость. Как отмечают авторы книги «The Elements of Style», любому автору следует облекать смежные суждения в подобную форму. «Этот принцип, называемый принципом параллельной конструкции, требует, чтобы выражения, похожие по своему содержанию и функции, были похожи и по своей форме. Подобие формы помогает читателю легче увидеть схожесть суждений по их содержанию и функции»³.

Стилистическим приемом, направленным на привлечение внимания слушателей к наиболее важным суждениям, является укороченность предложений, например: *А слабые — бьют* (16); *Это нападение на нашу страну* (20); *Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага* (43). С помощью другого стилистического приема — парцелляции предложений — говорящий придает своей мысли отточенность. В следующих примерах оратор намеренно выражает свою мысль в двух или даже трех коротких предложениях, а не в одном длинном, поскольку это позволяет ему сфокусировать внимание аудитории на этой мысли, повторив ключевое слово или фразу: *Говорить трудно. И горько* (1); *Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему* (7); *Это не вызов Президенту, парламенту или Правительству. Это вызов всей России.*

³ Strunk William Jr., White E. B. The Elements of Style. Ithaca; N.Y., 1979. P. 26.

Все́му нашему народу. Это — нападение на нашу страну (19, 20). В примере из абзацев 19 и 20 также применен вышеописанный прием параллелизма. Наконец, последним из наиболее важных стилистических приемов является риторический вопрос, который автор задает в (8): *Почему?* Этот вопрос позволяет говорящему сделать паузу и привлечь внимание слушателей к последующему объяснению.

Хотя рациональное воздействие на первый взгляд менее заметно по сравнению с эмоциональным и эстетическим воздействием, оно играет ключевую роль в коммуникативной стратегии аргументатора. Данное заключение основано на том факте, что, несмотря на то, что количество высказываний, содержащих прямое рассуждение, сравнительно невелико, речь содержит разветвленную и ясную аргументацию. Причина неяркости *эксплицитной* аргументации состоит в том, что основной целью, которую преследует говорящий, является не столько обосновать необходимость каких-то конкретных действий, сколько объяснить причины, почему произошли бесланские события. Самое же главное намерение автора заключается в том, чтобы подвести аудиторию к своим основным тезисам, оставив их *нев्यраженными* (об этом речь пойдет ниже). Лишь намеченными пунктирно остаются и конкретные меры по борьбе с терроризмом, о необходимости которых упоминает президент в четвертой части.

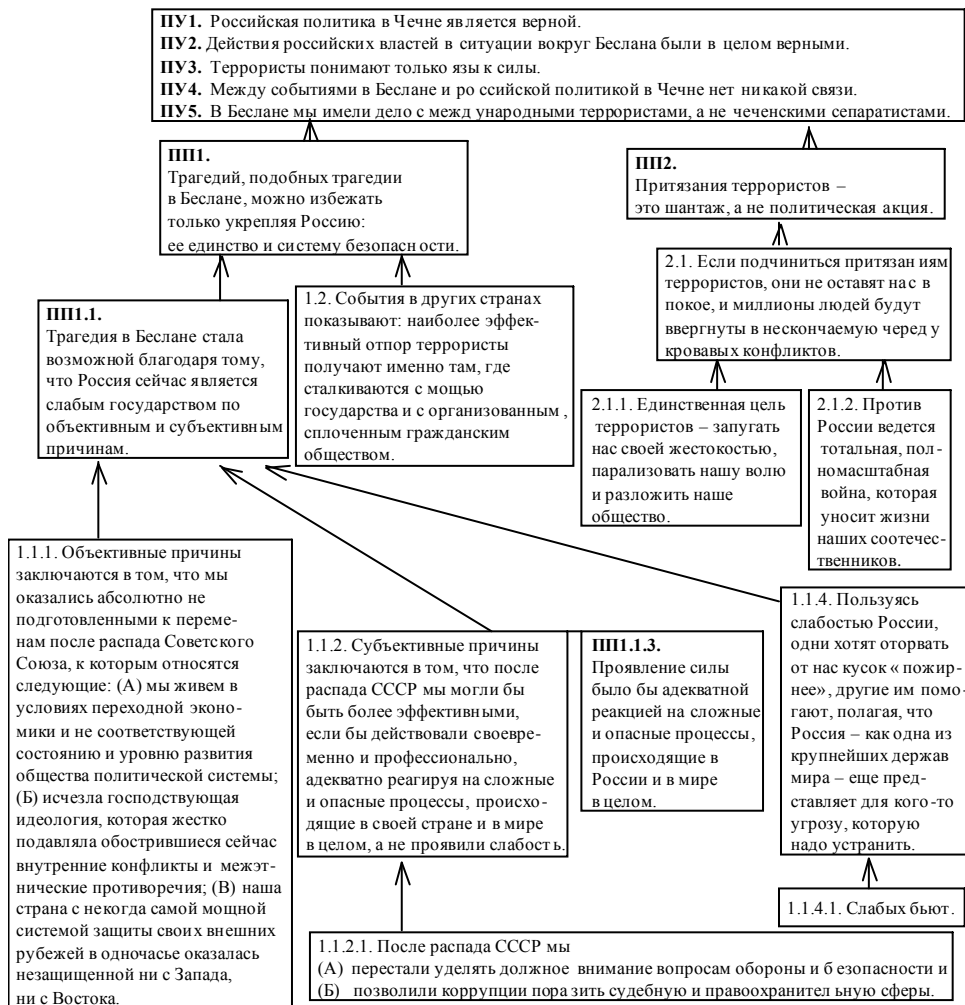
Итак, как мы уже отмечали, в выступлении содержится достаточно разветвленная аргументация, которая направлена на оправдание правильности жесткой политики в отношении Чечни, которую проводит президент России, а также отстаивание верности тех действий, которые предпринимало правительство России во время бесланского кризиса.

Мы уже кратко коснулись первой из вышеперечисленных проблем. Исполнители преступления представлены тенденциозно: в тексте они называются не чеченскими боевиками или чеченскими террористами, тем более — не чеченскими сепаратистами, а исключительно либо террористами, либо международными террористами. Таким образом, какая-либо связь с Чечней прочно отвергается. Российские власти освобождаются от какой-либо вины за ту трагедию, которая произошла. Данный аргументативный прием следует считать некорректным, так как подается лишь та информация, которая выгодна аргументатору. Таким образом, данный прием следует считать софистской уловкой.

Если в отношении вышеописанного приема возможны разногласия, считать ли его намеренной аргументативной ошибкой или разрешенным, хотя и не вполне корректным, аргументативным приемом, то в отношении нижеследующего рассуждения можно с точностью утверждать, что перед нами пример намеренной аргументативной ошибки. Данная ошибка носит название ошибки ложной, или навязанной, дилеммы. В абзаце 21 президент Путин утверждает, что у России есть лишь кажущийся выбор — дать террористам отпор или согласиться с их притязаниями, *в надежде на то, что они в конце концов оставят нас в покое*. Почему это лишь кажущийся выбор, аргументатор объясняет так: согласиться с притязаниями террористов — значит *сдаться, позволить разрушить и «растащить» Россию* (21), *позволить себя шантажировать и поддаться панике и погрузить миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов по примеру Карабаха, Приднестровья и других хорошо известных нам трагедий* (22). Отсюда вывод: чтобы сохранить Россию, для руководства страны нет иного выбора, как продолжать борьбу с террористами теми же методами, которые использовались до сих пор. Оппоненты Путина, выступающие против войны в Чечне, подчеркивают, однако, что существует по крайней мере еще один вариант действий, а именно переговоры с террористами, которые не приведут к кровавым конфликтам и рас-

паду России. При этом обычно приводится пример урегулирования ирландского вопроса. После нескольких неудавшихся попыток договориться с Ирландской республиканской армией британское правительство все же достигло компромисса с этой террористической организацией, и длившемуся более века конфликту был положен конец. При этом Северная Ирландия осталась в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Именно этот — третий путь частичного согласия с требованиями террористов, достижения компромисса с ними, который не обязательно должен привести к разрушению страны, полностью исключается аргументатором из описываемой дилеммы. Твердая связка «согласиться с террористами — значит погубить Россию» и заключает в себе аргументативную ошибку ложной, или навязанной, дилеммы.

Схема. Структура аргументации в речи В. В. Путина

Другой намеренной аргументативной ошибкой, допущенной автором выступления, является избегание бремени доказательства точки зрения посредством объявления ее «неоспоримой», т. е. не подлежащей сомнению, без веских на то причин⁴. Примером данной ошибки может служить содержание абзаца, заканчивающегося заявлением *Нельзя не видеть очевидного* (22), хотя истинность того, к чему относится данное суждение, весьма неочевидна.

Наконец, последнее, что следует отметить, говоря о спорных аргументативных приемах, используемых президентом Путиным, — это сдвиг определения. Если мы изучим абзацы 25, 26 и 27, мы обнаружим, что термин «гражданское общество» аргументатор понимает совсем не так, как понимают его большинство людей и специалистов. Под гражданским обществом вместо самостоятельного, открытого общества, в котором граждане посредством общественных объединений осуществляют гражданский контроль над властью, оратор понимает сообщество бдительных граждан, которые тесно сотрудничают с правоохранительными органами по предотвращению терактов посредством организации соответствующих общественных объединений (например, таких как народные дружины). Однако данный пример, конечно же, нельзя считать аргументативной ошибкой, поскольку каждый волен интерпретировать любые термины по-своему при условии, что это толкование понятно слушателям.

Рассмотрим теперь структуру авторской аргументации, представленной выше на схеме.

Описание схемы структуры аргументации следует начать с объяснения используемых обозначений. Элементы аргументации, представленные в схеме, делятся на две категории: элементы, выраженные в тексте явно, и подразумеваемые элементы. Последние подразделяются на *подразумеваемые утверждения* (ПУ) и *подразумеваемые положения* (ПП). Оба термина являются произвольными наименованиями и в принципе означают одно и то же — подразумеваемые аргументы. Тем не менее мы их назвали разными терминами по той причине, что ПУ в отличие от ПП требуют более глубокого анализа контекста при их реконструкции. Восстановление подразумеваемых утверждений требует учета не только непосредственного контекста (собственно текста речи), но и широкого контекста всей коммуникативной ситуации. Для реконструкции подразумеваемых утверждений ПУ1, ПУ2, ПУ3, ПУ4 и ПУ5 необходимо знание войны в Чечне, ведущихся по поводу нее полемики в обществе, критике правительства со стороны либеральной оппозиции, а также позиции президента Путина по поводу чеченского конфликта и терроризма. Таким образом, можно сказать, что подразумеваемые утверждения и подразумеваемые положения отличаются по степени «подразумеваемости», где ПУ — более «подразумеваемые», чем ПП. Соответственно реконструкция ПУ более субъективна и более уязвима для критики оппонентов, чем реконструкция ПП.

Важно заметить, что группу ПУ саму можно анализировать как отдельную аргументацию, в которой одни подразумеваемые утверждения играют роль посылок, а другие — заключений. При этом практически каждое ПУ может служить выводом из других ПУ. Тем не менее наиболее важным подразумеваемым утверждением для президента Путина, по нашему мнению, является тезис о том, что *российская политика в Чечне*

⁴ Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Argumentation, Communication, and Fallacies*. Hillsdale (NJ), 1992. P. 118.

является верной. Поэтому именно это утверждение получило в схеме обозначение ПУ1 и располагается на вершине аргументативного дерева.

Наше мнение базируется, во-первых, на анализе широкого аргументативного контекста. Как мы уже отмечали, в течение нескольких лет, а особенно в дни бесланской трагедии, Путин был косвенно вовлечен в полемику с оппозицией, в которой последние выдвигали обвинения по двум основным пунктам. Первый пункт касался его действий во время бесланских событий, которые привели к столь значительным жертвам среди заложников, и может быть сформулирован следующим образом: такого количества жертв можно было бы избежать, если бы были удовлетворены требования террористов о выводе войск из Чечни. Второй пункт касался всей политики Путина в Чечне и может быть сформулирован так: именно политика Путина в Чечне привела к захвату школы в Беслане.

Во-вторых, оно базируется на анализе узкого аргументативного контекста — анализе самого текста. Рассуждение говорящего развивается по двум направлениям. Хотя во многом линии рассуждения пересекаются, доводы из одной цепи аргументов могут быть признаны частью другой аргументативной цепи, и обе цепочки поддерживают одни и те же ПУ, перед нами все же две отчетливые ветви рассуждения, одна из которых короче и яснее, чем другая.

Эта линия (условно назовем ее второй) составляет аргументативную поддержку ПП2. Косвенно аргументы второй линии рассуждения поддерживают все ПУ, однако наиболее тесная связь у данных доводов с ПУ2, ПУ3 и ПУ5.

Первая линия рассуждения длиннее, и аргументы, задействованные в ней, лучше обоснованы. Данная аргументативная линия заканчивается ПП1, а из всех подразумеваемых утверждений наиболее тесно связана с ПУ1, ПУ4 и ПУ5.

Мы уже коснулись оценки двух линий рассуждения, отметив, что доводы первой из них лучше обоснованы, чем доводы второй. Именно в этом и состоит главный недостаток аргументации Путина: его апология покоится на зыбком фундаменте. ПУ1, ПУ4 и ПУ5 вряд ли можно считать доказанными. Они нуждаются в весомых доводах для их доказательства. Однако поскольку именно мы вывели данные имплицитные элементы из контекста аргументативной ситуации, именно мы, а не автор сообщения, несем бремя ответственности по доказательству правильности нашей точки зрения о недостаточной обоснованности ПУ1, ПУ4 и ПУ5. Поэтому, дабы наш вывод сам не оказался голословным, следует объяснить, каким образом мы произвели реконструкцию невыраженных утверждений.

При реконструкции структуры авторской аргументации мы использовали неформально-логический подход к реконструкции суждений, поскольку в отличие от формальной логики в этом подходе дидактическая выводимость заключения из посылок не является обязательным критерием при реконструкции невыраженных посылок⁵.

Для целей нашего анализа это означает, что мы не ставим перед собой задачи восстановить невыраженную посылку в каждом силлогизме, а только в тех из них, в которых эта невыраженная посылка важна для понимания аргументации. Необходимость в подобной реконструкции наблюдается при анализе аргументации, состоящей из заключения ПП1.1 и посылок 1.1.2 и ПП1.1.3. Аргумент ПП1.1.3 является невыраженной посылкой, которая в сочетании с выраженной посылкой 1.1.2 составляет сочинительную

⁵ Eemeren F. H. et al. *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam, 2001. P. 180.

аргументацию в поддержку ПП1.1. Довод ПП1.1.3 — это один из ключевых элементов рассуждения автора. Президент Путин подчеркивает необходимость жестких мер в отношении чеченских сепаратистов, проводящих террористические акты против российских войск и гражданских лиц. Это отражено в нашем анализе в реконструкции ПУ3. Утверждение же *Слабых бьют* лежит, по нашему мнению, в самом основании длинной цепи доводов, поэтому в схеме оно обозначено номером 1.1.4.1.

Неформальные логики анализируют аргументы как элементы обычного, зависящего от контекста использования языка. При этом говорящий не обязательно пытается убедить собеседника в истинности вывода, а часто стремится убедить его лишь в правдоподобности и логичности его точки зрения. Это означает, что при реконструкции учитывается жесткая зависимость реконструируемого дискурса от коммуникативной ситуации⁶.

Этот аспект приобретает особую важность для реконструкции ПУ. Реконструируя подразумеваемые утверждения, мы принимали во внимание не только непосредственный контекст, т. е. контекст, содержащийся в самом сообщении, но и более широкий контекст общественной дискуссии, ведущейся в России по поводу политики Путина в Чечне. Именно широкий контекст, включающий предыдущие высказывания главы России в отношении политики России на Северном Кавказе, указывает на вероятность того, что в данной ситуации, после бесланских событий, президент Путин будет вынужден представить некую апологию своей политики в Чечне.

Давайте теперь вернемся к прагматическому аспекту нашего анализа. Согласно теории аргументации, существуют три категории высказываний: фактические, оценочные и политические высказывания. Эти категории соответствуют наиболее распространенным типам спора: (1) спорам по поводу того, что произошло, происходит или будет происходить; (2) спорам, в которых участники расходятся во мнении по поводу того, является обсуждаемая ситуация или действие хорошим или плохим, правильным или неправильным, эффективным или неэффективным; и, наконец, (3) спорам по поводу того, что следует или чего не следует делать⁷. С точки зрения прагматики фактические и оценочные высказывания попадают в одну категорию ассертивных речевых актов, а политические высказывания соответствуют директивам. Вышеприведенная структура аргументации содержит исключительно фактические и оценочные высказывания, причем оценочные высказывания представлены лишь ПУ1 и ПУ2.

В речи представлены и другие речевые акты, а именно директивы и комиссивы. *В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны* (32) и *Особо отмечу: все эти меры будут проводиться в полном соответствии с Конституцией страны* (36) являются примерами комиссивных речевых актов. Высказывания *Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз* (26), *Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе* (34) и *Необходимо создать эффективную антикризисную систему управления — включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов* (35) являются примерами

⁶ Ibid.

⁷ Rybacki K., Rybacki D. *Advocacy and Opposition. An Introduction to Argumentation*. P. 27–28.

ми директивов, хотя, по сути, эти директивы представляют собой косвенные комиссии, посредством которых Путин сообщает россиянам о своем намерении провести меры по укреплению безопасности страны.

В речи можно реконструировать три основные политические пропозиции: (1) *Необходим комплекс мер, направленных на укрепление единства страны*, (2) *Необходимо создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе* и (3) *Необходимо создать эффективную антикризисную систему управления — включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов*. Политические высказывания нами не были включены в схему по той причине, что в этом случае возникла бы путаница в представлении аргументов. Как и подразумеваемым утверждения, политические высказывания также напрямую следуют из ПП1 и ПП2 и соответственно должны быть размещены там, где находятся ПУ. Расположив эти две группы элементов аргументации рядом, мы, по нашему мнению, тем самым лишь усложнили бы понимание структуры аргументации автора.

В заключение подведем итоги исследования. Проведенный анализ продемонстрировал, что проблема терроризма — важная часть российского политического дискурса, ключевой элемент более широкой общественной дискуссии о демократии и государственном управлении, ведущейся в российском обществе. При этом она часто используется российскими политиками, в частности, президентом Путиным, как инструмент, с помощью которого они манипулируют общественным мнением посредством создания образа врага и призывов к объединению и укреплению страны для защиты от общей угрозы терроризма. При этом прослеживается четкая линия на подчеркивание интернационального характера терроризма и отрицание всякой связи терроризма с сепаратизмом на Северном Кавказе.

Исследуемое выступление президента Путина — это своего рода апология его действий на Северном Кавказе, косвенный ответ на те обвинения, которые высказываются в его адрес политическими оппонентами. Логический анализ сообщения позволил нам реконструировать невыраженные элементы аргументации, главные из которых представлены в схеме структуры аргументации как подразумеваемые утверждения (ПУ). Эти суждения наглядно демонстрируют направленность авторского рассуждения.

Автор и его оппоненты во многом расходятся и в терминологической области. Например, термин «гражданское общество» понимается либералами как открытое, плюралистическое общество, где граждане обладают большими возможностями влиять на власть. Президент же понимает под тем же термином сплоченное общество бдительных граждан, тесно сотрудничающих с властью в лице правоохранительных органов по предотвращению террористических актов.

Логико-прагма-стилистический анализ аргументативного дискурса показал, что оратор использует все три основных вида воздействия на адресатов сообщения: воздействие на разум, эмоции и эстетические чувства аудитории. Пожалуй, наиболее явен эмоциональный призыв, который выражается в использовании автором стилистических и прагматических средств. Среди стилистических средств следует отметить применение стилистических приемов повторения ключевых слов и фраз, параллелизма синтаксических конструкций. С помощью этих средств оратор стремится выразить людям сочувствие, вселить в них уверенность в собственной безопасности и одновременно вызвать

у людей гнев на исполнителей и заказчиков террористического акта. Среди прагматических средств назовем использованием оратором директивных речевых актов, в которых коммуникатор формулирует необходимость конкретных мер по обеспечению безопасности людей, недопущению распада страны, укреплению ее правоохранительной системы и политической системы, которые по сути являются косвенными комиссивными речевыми актами (обещаниями принять эти меры).

Анализ выявил яркий риторический характер текста. При создании этой характеристики ключевую роль играет эстетическое воздействие на слушателей. Оно выражается в использовании говорящим вышеописанных стилистических приемов параллелизма и повтора ключевых фраз, поскольку эти стилистические средства повышают не только уровень эмоционального воздействия речи, но затрагивают и эстетические чувства слушателей. Параллелизм синтаксической структуры и повторение придает изложению стройность и четкость. Стилистическими приемами, направленными на привлечение внимания слушателей к наиболее важным суждениям, является укороченность предложений, парцелляция, риторический вопрос.

Из всех этих компонентов и складывается коммуникативная стратегия президента России, направленная в конечном счете на убеждение общества в необходимости предлагаемых им реформ.

Литература

Eemeren F. H., van and Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies. Hillsdale (NJ), 1992.

Eemeren F. H. et al. Crucial Concepts in Argumentation Theory. Amsterdam, 2001.

Goloubev V. Looking at Argumentation through Communicative Intentions: Ways to Define Fallacies // Proceedings of the 4th International Conference of the Society for the Study of Argumentation. Amsterdam, 1999.

Rybacki K., Rybacki D. Advocacy and Opposition. An Introduction to Argumentation. New Jersey, 1991.

Strunk William Jr., White E. B. The Elements of Style. Ithaca; N.Y., 1979.